

Симонова Ирина Александровна

Субкультура как социально-топологическая проблема

Специальность 09.00.11 - Социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург - 2013

Работа выполнена в ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» на кафедре социальной философии.

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор

Азаренко Сергей Александрович

Официальные оппоненты:

- Соловьев Александр Васильевич, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», профессор кафедры культурологии факультета русской филологии и национальной культуры;

- Лебедев Дмитрий Валерьевич, кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия», доцент кафедры философии и социологии.

Ведущая организация:

ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург.

Защита состоится 19 сентября 2013 г. в 14-00 на заседании диссертационного совета Д 212. 285.14 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор философских наук,

профессор

Ионайтис О. Б.

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования обусловлена симптоматичностью феномена субкультур, облик которых в настоящее время аккумулирует в себе сущность современного состояния социальности, и их исследование позволяет расширить границы понимания последней. Очевидно, что современный социальный мир, многоскладчатый, разнородный, полиморфный, теперь, как никогда, требует понимания именно в динамике различающихся хронотопологических связей, в которых действительно может быть отражена вся сложность и прерывность различных комбинаций его актуализации именно в разнообразных формах собирания индивидов. Поиски адекватных подходов к пониманию современной человеческой активности и ее актуальных форм, которые уже невозможно схватить посредством статичных трансцендентных человеку схем и отношений, несомненно, обуславливаются общими изменениями состояния социальности, и, что не менее важно, продиктованы самыми серьезными научными и философскими сдвигами в области ее познания.

Так, и само понятие «субкультура», долго остававшееся одним из наиболее значимых при концептуализации знания о специфических общностях, проявивших себя в начале двадцатого столетия, и системах, объясняющих их действия, в последние годы было подвергнуто критическому пересмотру и оказалась поистине в осадном положении. Фактически именно устаревающие методологические основания субкультурного подхода оказали самое непосредственное влияние на потерю его значимости для современных социальных исследований. Ввиду интенсивных трансформаций социальности, обнаружение и дальнейшее типирование субкультур посредством ориентации на идентичностные свойства, на чем основано подавляющее большинство существующих концепций, оказывается теперь неэффективным. Однако субкультуры все еще заметны, узнаваемы, но *уже* или же *пока* неконцептуализуемы силами существующих подходов. Следовательно, есть необходимость не просто принимать, но понимать их в контексте новых условий и, соответственно, в новых формулах схватывания этой постоянно меняющейся, ускользающей социальности. По нашему мнению, именно на базе социальной топологии и может быть раскрыт богатейший потенциал субкультурной концепции, могущей проникнуть в суть этих специфичных социальных явлений и охватить их в перспективе со-бытийности современной жизни, в чем и заключена актуальность настоящего исследования.

Степень научной разработанности проблемы.

Несмотря на то, что история развития «субкультурных» исследований довольно коротка, на сегодняшний день эта проблематика имеет традиции в разных областях науки. Многие подходы оказываются важной основой для социально-топологического анализа

субкультурных общностей. Отметим, что большинство из известных подходов к субкультуре изначально развились в контексте изучения молодежного вопроса, многие и сегодня сохраняют эту связь, однако не могут быть сведены всецело к молодежным исследованиям.

Первые работы, посвященные субкультуре и имеющие для настоящего исследования огромное значение, принадлежат представителям Чикагской школы социологии (А. Коен, Ф. Трашер В. Ф. Уайт и др.), которые обратились к анализу делинквентных сообществ, опираясь на принципы социальной экологии. Этот аспект в дальнейшем был тщательно исследован Д. Матзом, У. Миллером, Дж. Пирсоном и др. Стоит отметить разработки, сделанные в контексте конструкционистского подхода, представленного теорией «ярлыка» Г. Беккера, С. Коена и др. Структурно-функциональный подход представлен исследованиями М. Абрамса, Р. К. Мертонса, Т. Парсонса, Д. Райзмана, Ш. Эйзенштадта, и др. Социально-психологическое направление представлено трудами его родоначальников Ст. Холла, описавшего субкультуру как результат кризиса самосознания, преодолев который человек приобретает «чувство индивидуальности», а также Э. Эриксона, разработавшего теорию подросткового кризиса идентичности. К. Манхеймом разработан подход, указывающий на мессианскую роль субкультуры в истории; эту линию продолжают исследования Ч. Рейча, Т. Роззака, О. Тоффлера и др., занимавшихся развитием концепции контркультуры.

Переход к современным прочтениям и соответствующий критический анализ субкультуры подготовлен представителями Центра Современных Культурных исследований Бирмингемского университета: М.Брейком, К. Гриффин, Т. Джефферсоном, С. Джонсом, Ф. Коеном, А. МакРобби, Д. Хебдиджем, П. Уиллисом и др. Также социологические исследования в этом направлении вели Б. Андерссон, Д. Белл, Ч. Бидуэлл, Д. Колеман, Дж. Маршалл, Г. Сибольд, Д. Тапскотт, Р. Флекс и др. Была разработана концепция сопротивления через ритуалы, обозначены классовый и гендерный подходы к пониманию субкультуры. Такими исследователями, как Т. Беннет, Х. Пилкингтон, С. Редхэд, М. Физерстоун и др. разработаны идеи глобально-локальных интерпретаций современных субкультурных практик, ими введены термины: «гибридность», «племена», «неоплемена», «стиль жизни», «клубные культуры», «вкусовые культуры», «псевдо коммуны» и т. д. Исследователи: Гр. Джон, О. Мархарт, Д. Мугглетон, и др. – представляют постсубкультурное направление, занимающее критическую позицию относительно субкультурного подхода; они стремятся сделать акцент на стилистической компоненте как ключевой характеристике, идентифицирующей современные культуры.

Комплексный анализ истории исследования субкультурного вопроса и осмысление динамики изучения субкультур представлен в работах К. Гелдера и Д. Муггелтона. Первым предприняты шаги по реабилитации концепта «субкультура». Особое значение здесь имеет концепт «сцена», разрабатываемый такими учеными, как Д. Ирвин, Р. Хицлер, М. Физерстоун и др.

Необходимо упомянуть и вклад российских ученых в развитие представлений о субкультуре, несмотря на то что в России ее исследования начались лишь во второй половине двадцатого века и в ряде случаев испытали продолжительное влияние советской идеологии. Культурологические и искусствоведческие исследования современных субкультур представлены работами О. А. Аксютинной, А. А. Артюх, Э. М. Береговской, О. В. Библиевой, А. А. Васильевой, А. А. Глуханюк, П. С. Гуревича, М. В. Дегтярёвой, Ц. У. Жимбаевой, В. И. Красикова, Г. Е. Моргуновой, А. Ю. Павловой, О. В. Родионовой, А. В. Чечевой, Т. Б. Щепанской и др. Политические ориентации субкультурных движений были проанализированы в работах В. А. Бабахо, Э. Я. Баталова, Н. М. Блинова, Ю. Н. Давыдова, Е. А. Ковальчук, К. Г. Мяло и др. Проблематика контркультуры в контексте субкультурных исследований освещается в работах Ю. М. Каграманова, Е. М. Лысенко, В. Т. Сейсяни и др. Социологические исследования представлены работами П. С. Алпатовой, Ю. Г. Волкова, Л. О. Горюновой, А. С. Запесоцкого, А. А. Игнатьева, С. Н. Иконниковой, Л. Г. Ионина, В. А. Лукова, Г. А., Нигматулиной, Е. Л. Омельченко, А. А. Пшишок, И. Б. Роднянской, Д. В. Сочивко, В. К. Сергеева, В. Т. Шапко, Н. В. Шатохиной и др. Многообразные типологии субкультур разработаны В. В. Соколовой, Ю. А. Осокиной, Б. Б. Ерасовым, А. А. Шиловой, С. А. Сергеевым, Н. Н. Слюсаревским и др. Философскому анализу феномена субкультур посвящены работы А. К. Бычко, Т. В. Вергун, Е. В. Касьяновой, О. В. Кузина, С. И. Левиковой, А. Ю. Лосинской, Е. В. Малаховой, Э. А. Раманаускайте, Ю. А. Сошина, Ю. А. Петровой, А. Н. Раевского, В. В. Чернышенко и т. д. В исследованиях авторов анализируются различные аспекты указанного феномена, в том числе в контексте проблематики философии культуры и философской антропологии, а также этики, эстетики и философии религии. Исследования в рамках синергетического подхода ведутся Л. В. Мосиенко, Е. М. Лысенко, Е. И. Князевой, А. В. Кирьяковой и др. Проблема субкультуры в дискурсе социально-философского знания является относительно новой, и представлена работами А. Н. Кармановой (исследователь анализирует субкультуры с точки зрения феномена отчуждения), а также Р. Ю. Александрова, В. Л. Гусаева, А. В. Михеевой, Е. С. Топилиной, Л. В. Шабанова, С. В. Шпака и др.

Говоря о разработанности методологической составляющей, необходимо заметить, что социальная топология, как методологический комплекс сама по себе является относительно новым явлением, хотя истоки ее восходят к математическим исследованиям К. Гаусса, Б. Римана и др. Основные положения социальной топологии сформулированы в исследованиях таких авторов как С. А. Азаренко (триада «телесность», «местность», «со-в-местность», концепт «топологема»), П. Бурдьё (теория «социального пространства», идея «социальных полей»), Дж. Ло (концепция примата «сети» отношений над «социальной» и «материальной» сущностями), М. Серр (констатация соотношения пространств в терминах «непрерывности», «локализованности», «включенности» и «невключенности»), Г.-Н. Фишер (пространство как «вектор социальных взаимодействий»), М. Фуко («дисциплинарные пространства», «техники тела»); в работах этих авторов наиболее полно раскрывается проблематика пространства – времени социального. В том числе важное значение имеют установки, подчеркивающие стремление к захвату, овладению социальным пространством и временем, определяющие их сущностную «конфликтность». Здесь мы опирались на работы П. Л. Уилсона, развивавшего идею «временных автономных зон».

Исследование проблемы различения «органической общности» и «общества – корпорации», не имеющее прямого отношения к субкультуре, но, без преувеличения, определившее развитие всего комплекса знаний о ней, принадлежит Ф. Тённису. Его ориентация на естественность подлинной общественной организации, возникающей именно как результат локального непредустановленного *общения* людей, повлияла и на наши научные установки. Далее в понимании социальной коммуникации и диалога, очевидно, имеющих ключевое значение для осмысления феномена субкультур, как возникающего в результате со-общения, автор ориентируется на идеи П. Бергера, П. Бурдьё, М. Вебера, Л. Витгенштейна, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Т. Лукмана, Н. Лумана, Д. Мида, Т. Парсонса, В. Тернера, А. Шюца, Н. Элиаса, Ю. Хабермаса, К. Ясперса и др. Это позволяет понимать коммуникацию как основу всякой совместности, обуславливающую конструктивно-проективные возможности и некий деятельный потенциал коммуникантов в границах «жизненного мира». Особое значение для нашей работы имеют исследования, посвященные различным модальностям коммуникативных связей (Ж.-Л. Нанси, Ж. Делез, М. Фуко и др.), в рамках которых осуществлен переход к идее диаграммы, что и позволило осмыслить принципиальную нелинейность современной субкультурной коммуникации. *Со-бытийность* как основание такой коммуникации побуждает обращаться и к проблеме «пограничности» социальной жизни – определенности человеческих границ границами Другого – и к логике этого предела. Здесь мы затронули вопросы

соединяющего/разделяющего значения предела, неизбежности экстернализации, трансгрессивности, и конфликтности пространства коммуникации (П. Бергер и Т. Лукман, Б. Ванденфельс, Ж.-Л. Нанси, Ж.-Ф. Шанла и др.).

Для настоящего исследования велика важность проблемы телесности. Телесность здесь предстает, прежде всего, в социальном измерении: всякое тело осмысляется как овеществлённая форма существования социального порядка и, следовательно, оказывается носителем и источником реализации соответствующих социальных значений и установок, реализуемых в комбинации социальных техник, в совокупности практик. Тут, прежде всего, нужно обратиться к работам С. Азаренко, П. Бурдьё, Ж. Гурвича, Р. Жирара, Э. Левинаса, Б. Маркова, М. Мерло-Понти, М. Мосса, Д. Пивоварова, Ж.-П. Сартра, Г. Тульчинского, М. Фуко, Г.-Н. Фишера, Л. Чертова, и др.

Безусловную значимость для решения проблем описания современного состояния социальной реальности, её многогранности, гетерогенности и т. д. имеют социально-философские методологические директивы, сформировавшиеся в рамках уральской школы, представленной С. А. Азаренко, В. Е. Кемеровым, Т. Х. Керимовым, С. А. Никитиным, О. В. Шабуровой и др.

Цель и задачи исследования.

Цель настоящего исследования — социально-топологический анализ феномена субкультуры. Цель предполагает постановку и решение ряда важных задач:

1. Проанализировать динамику исследований проблемы субкультуры в современном общественном сознании;
2. Разработать социально-топологический инструментарий для комплексного анализа субкультуры;
3. Изучить особенности возникновения, реализации и соотнесения субкультурных практик, техник, а также специфику мест в социальном пространстве коммуницирования субкультур.
4. Осмыслить феномен со-противления и со-глашения в социально-топологическом измерении бытия субкультуры.

Объект и предмет исследования.

Объект исследования – формы организации социальных связей в современном обществе.

Предмет исследования – субкультуры как особые общности, понимаемые в качестве совокупности агентов, создающих и реализующих уникальные способы осуществления совместности.

Методологические и теоретические основания исследования.

В ходе исследования используются социально-топологический, социально-феноменологический и социально-конструктивистский методы.

Центральной методологической установкой исследования является социальная топология (С. А. Азаренко, П. Бурдьё, К. Левин, Дж. Ло, М. Серр, Г.-Н. Фишер, М. Фуко). Здесь «топос» понимается как пространство человеческого события, возникающее и длящееся именно в акте коммуницирования, в совместной активности людей. Он представлен совокупностью специфичных отношений, определяющих социальные позиции индивидов, воспроизводимых практически и закреплённых в оригинальных порядках каждого конкретного социума.

С целью исследования механизма возникновения феномена субкультурных общностей в пространстве социальности мы также обращались к феноменологической методологии в области социологического познания коммуникации (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, М. Хайдеггер, А. Шюц), а также привлекали классические коммуникативные подходы (Н. Луман, Ю. Хабермас).

Феноменология обращает нас к конструктивистской методологической установке (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман.), поскольку в основании социальности всегда лежит общее, создаваемое и разделяемое людьми знание (*со-знание*).

Комбинация описанных методологических подходов обуславливает специфику и новизну диссертационного исследования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В результате критического анализа динамики классических (социологических, психологических, культурологических) и современных (постсубкультурных – концепции стилей жизни, «смерти субкультур» и др.) подходов постулируется положение о субкультуре как свободной самоорганизующейся общности, возникающей и существующей только в построении некоторой совместности в акте длящегося добровольного коммуницирования. Обосновывается востребованность перехода от традиционных способов схватывания субкультуры посредством приписывания ей стабильного комплекса идентичностных характеристик, на основании которых происходит ее привязка (соположение или столкновение) с классическими институциональными формами социальности, к социально-топологическому анализу: фиксации

образующей субкультуру совокупности изменчивых связей и отношений, отражающих ее актуальные сущностные характеристики.

2. Выявляется теоретико-методологическая актуальность социальной топологии для анализа субкультуры, позволяющая концептуализировать последнюю как общность, конструируемую (опространствливаемую) в акте коммуникативного со-бытия участников, не абсолютизируя при этом ее внутреннее постоянство или обусловленность существующими институтам социальной жизни. Выделены базовые социально-топологические характеристики, необходимые для осмысления субкультуры: коммуникация, социальные практики, техники, места.
3. Обосновывается положение о субкультурах как о коммуникативных и интерактивных формах общности посттрадиционного типа, обнаруживаемых неким отрезком времени в сменяющих друг друга динамичных местах со-бытия. Субкультуры обладают неоднородной структурой, характеризуются специфическим телесным взаимодействием, специфической плотностью, интенсивностью коммуникации, степенью погруженности в нее, совпадением коммуникативной направленности, включенностью во взаимодействие и, следовательно, степенью участия в непосредственном производстве и воспроизводстве сообщества через совместное формирование и реализацию социальных практик и техник и конструирование особых мест. При этом техники субкультуры носят полипраксистный характер. Отмечена также специфичность эксплуатации языковых форм. Саморепрезентация субкультуры осуществляется неинституционализированно, посредством специфического (бриколлажного) конфигурирования социальных практик и коммуникативных техник, результатом чего является нестабильная топологема, которая обладает некоторой перформативностью.
4. Субкультура существует как процесс, воплощенный совокупностью многоуровневых нелинейных коммуникативных связей, возникающих при совмещении социальных сингулярностей в серии коммуникативных событий. На смену утратившим сегодня свое реальное значение классическим характеристикам субкультуры, «протестности» и «диалогизму», приходит неустойчивое положение баланса (динамики) между «со-противлением» и «со-глашением», в каждом отдельном случае выставляющими субкультуру в

социальном пространстве. Эти позиционно детерминирующие переменные позволяют сконцентрироваться на ее содержательной составляющей.

5. Феномен субкультуры транскультурен в способе организации совместности ее участников и представляет собой глобально-локальную неустойчивую мировую коммуникативную сеть. Медийность субкультуры срабатывает в ее способности к транспортировке способов реализации совместности от культуры к культуре, от сообщества к сообществу. Тем самым субкультурные общности олицетворяют актуальное состояние глобализирующегося мира, и свидетельствуют о реальной возможности межкультурного взаимодействия на разных уровнях социального бытия в обществах современного типа.

Научная новизна.

Научная новизна исследования состоит в обосновании и осуществлении социально-топологического анализа феномена субкультуры в современном обществе. Ее основные составляющие заключаются в следующем:

- 1) сформулирован и обоснован социально-топологический подход к проблеме субкультур.
- 2) доказана необходимость и перспективность концептуализации субкультуры сквозь призму социальной коммуникации как особой формы общностей.
- 3) описаны и систематизированы уникальные техники, практики, и конструируемые особые места социальности, констатирующие со-бытийный характер субкультур.
- 4) исследован социально-топологический смысл со-противления и со-глашения, как директивных факторов формирования и функционирования субкультур.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты исследования феномена субкультуры с позиций социальной топологии имеют серьезный научно-практический потенциал.

Исследование расширяет границы знаний о феномене современных субкультур, что может способствовать не только прояснению его сути, но и демонстрирует актуальное состояние общества в целом и позволяет прояснить онтологию культурного процесса в границах наличной социальности. Полученные выводы, в частности, могут лечь в основу дальнейшего изучения проблематики субкультур, а выработанный подход практически универсален и применим к исследованию различных аспектов социальной жизни.

Некоторые выводы способны стать важным элементом современных образовательных процессов, поскольку знакомство с концептуальными особенностями субкультуры, например, в рамках специальных курсов позволит не только ознакомиться с проблемами культурного многообразия, но и содержит глубокие воспитательные возможности, которые могут способствовать формированию ряда ключевых компетенций: субкультуры выражают высокую социальную активность, ответственность за локальную среду, в которой они находят себя и демонстрируют реализацию деятельностного потенциала, протраивая коммуникацию без внешней мотивации, следовательно, видятся образцом «работы» человека на своем месте. Кроме того, применение позитивного опыта субкультур по обмену, усвоению и адаптации инокультурных техник может быть положено в основу методик по формированию навыков культурного взаимодействия и повышения лояльности к представителям других культур уже на ранних этапах образовательного процесса.

Апробация диссертации. Основные идеи исследования представлены в ряде научных статей и тезисов, а также были изложены в форме докладов в рамках международных, в том числе и зарубежных научных конференций (Екатеринбург, 2011, 2012; Магнитогорск, 2010; Самара, 2010, 2011; Варшава, 2010; Таллин, 2011; Прага, 2013 и др.).

Кроме того, некоторые положения исследования легли в основу учебного курса «Государственная молодежная политика».

В период с 2009 по 2013 гг. основные положения диссертационного исследования находили применение в процессе преподавательской и воспитательной деятельности соискателя на базе ФГБОУ ВПО "Уральский государственный педагогический университет", а также НОУ ВПО «Российская международная академия туризма».

Структура работы. Структура работы сформирована исходя из логики развертывания темы, необходимости определения и комплексного анализа феномена субкультуры. Она состоит из введения, двух глав, каждая из которых включает по 2 параграфа, заключения, списка использованной литературы и имеет объём 146 страниц. Список литературы содержит 168 источников.

II. Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, выявляется новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «Концепция субкультуры и социальное знание» постулируется необходимость социально-философского рассмотрения субкультуры в русле

социально-топологической методологии. В этой главе намечаются истоки и контуры данной проблемы: здесь рассматриваются многообразные классические и современные подходы к субкультуре, и на основании их критического осмысления, а также в результате некоторой ревизии положений самой социальной топологии как теоретико-методологической установки формулируется исчерпывающий инструментарий для социально-топологического анализа феномена субкультуры.

Параграф I первой главы «Проблема субкультуры в современном общественном сознании» посвящен анализу основных подходов к концептуализации субкультуры, облик которых во многом сделал необходимым и отчасти подготовил поворот к социально-топологическому анализу интересующего нас феномена.

Установлено, что современный этап в отечественных научных представлениях о субкультуре характеризуется существенным расширением объема данного понятия. Ученые начали говорить о предельно широком круге явлений: активно входят в оборот многообразные типологии субкультур, на основании которых практически любая общность может быть отнесена к субкультуре. Многие авторы стремятся представить социальный мир как совокупность субкультур различной природы.

У зарубежных авторов современные взгляды на понятие «субкультура» в основном критические, они обусловлены тем, что в условиях «диффузной» социальности невозможно стало выделять субкультуры через сталкивание или отождествление их с классическими видами социальных групп (классами, расами, национальностями, профессиями, возрастными сегментами, экономическими слоями и т. д.) или компоновать их в общность только лишь по признаку элементов стиля (одежды, музыки или прически и пр.). Как следствие формируется тезис о «смерти субкультуры».

Очевидно, утверждение, что всякая социальная целостность – это субкультура, в данном случае равнозначно признанию ее «смерти». Схватывание субкультур представляется в контексте большинства сегодняшних разработок весьма затруднительным. Постулируется исчезновение феномена субкультур. Выявляется тенденция отказа и от самой идеи субкультуры. Между тем феномен все также имеет место, а логика «субкультурных» исследований остается формирующей основой для современных подходов, более того, концепт «субкультура» все также состоятелен и обладает мощным научным потенциалом, который должно реализовать в контексте сегодняшних реалий.

Так, в субкультурных исследованиях выкристаллизовывается *достаточно устойчивая, жизнеспособная традиция понимания ее как некоторой общности, которую, в соответствии с основной методологической установкой настоящего исследования, и*

возможно *рассматривать* через совокупность специфических социальных связей в их действительном пространственно-временном становлении. Проблематика общности вошла в исследования субкультуры благодаря концепции «Общность и общество» Ф. Тённиса, переосмысление которой во многом определило их логику, и лежит в основе большинства существующих «субкультурных» методологий. В современных терминах (например, «сеть» – М. Аткинсон, М. Виттел, Е. Джонс, Х. Шиавино и др.; «сцена» – Дж. Ирвин, Р. Хицлер и др.) феномен субкультуры как форма трансформации прежних форм общности анализируется в контексте институционального общества, которому присущи четкость, структурированность и иерархичность. В этих условиях, удерживаясь, однако, от абсолютизации общества как моноструктуры, и необходимо увидеть в субкультуре некую область непредустановленного контакта, возникающую в акте длящегося добровольного коммуницирования и обладающую особым способом и формами организации. Взятая в таком ракурсе субкультурная концепция является действительно востребованной.

В параграфе II первой главы «Социально-топологический подход к субкультуре» диссертант сконцентрировался на прояснении сущности социально-топологического подхода в качестве методологической основы для исследования современных субкультур. Особое внимание при этом было уделено разъяснению понятийного аппарата и специфическому инструментарию социальной топологии.

Порождающим элементом социальности с точки зрения социальной топологии являются люди, которые, определяются по относительному друг к другу положению как в социальном, так и в физическом пространствах, последние проблематизируются именно как продукт и следствие сети отношений, локализующихся в складках местности. На этом основании в исследовании выделены четыре основных топологических характеристики, необходимых для осмысления субкультуры в указанном ключе.

Внеинституциональный поиск «сообщников» приводит человека в субкультуры, где он находит таковых и находит себя с таковыми в потоке «со-общения». Субкультуры организуются именно в ходе интенсивного коммуницирования, потому первой из характеристик выступает *коммуникация*. Взятая социально-топологически, она уже не есть передача или обмен чем-либо общим, но своего рода разделение чего-то, что становится общим именно в силу совмещения, следовательно, можно говорить о созидании, конструировании общего: люди в акте соположения именно задают некоторое общее пространство, следовательно, опространствливают общее, обнаруживают его, дают ему *место* – второй топологический параметр субкультурного анализа. Представленность, осуществимая лишь в коммуникации как пространственно-временящаяся совокупность

отношений, опосредованная практическими действиями индивидов и есть социальное место, «топос», пространство человеческого события. Важно, что в контексте повсеместной технологизации современного мира, территорией практического приложения коммуникации может выступать как реальная физическая местность, так и технологическое пространство. Места динамичны и утрачивают все больше субстанциональные основания. Онтологическая зависимость мест от практической выставленности человеческого со-общения очевидна: они не являются самотождественными, поскольку каждое из них предполагает реализацию какой-либо практики при совмещении коммуницирующих индивидов. Интеракция обладает потенцией местообразования, места и понимаются как пространства практического коммуницирования, т. е. как условие и результат некоторой практики и соответствующей технологии. *Социальные практики и техники* представляют собой третью и четвертую топологические характеристики анализа субкультуры.

Практика понимается как тип регулярного взаимодействия людей по производству и воспроизводству социальных полей, она имеет соответствующие направления и реализуется пространственно всегда как своеобразный технологический комплекс, то есть посредством комплекта техник формируя место; и хотя сегодня основные практики уже закрепились и оформились в совокупности полей, набор техник реализации может комплектоваться каждый раз по-иному, выявляя место как некоторую технологическую локальность. *Техники* представляют собой традиционные способы со-общения между людьми, и в большинстве случаев сочинены с телесностью, однако тело сегодня также может быть опосредовано технологией, следовательно, речь идет как о применении тела в коммуникации, так и о технологизации коммуницирующего тела. Социальность теперь тождественна коммуникативности. Социальные, то есть коммуникативные телесные и технологические техники обеспечивают превращение биологического тела в социальное, сообщая ему опыт определенной общности, и опредмечивают социальные отношения, конфигурируя пространство-время социального бытия.

Вторая глава «Топология субкультурного процесса» посвящена непосредственному анализу субкультуры в качестве особой подвижной посттрадиционной общности создателей и носителей уникальных дискретных практик и техник, создающих пространство социальности, на основании разработанных в первой главе методологических установок. В контексте социально-топологического анализа это необходимо предполагает обращение к «живому» пространственно-временному видению возникающих в субкультуре социальных связей.

В параграфе I второй главы «Практики, техники и места субкультурной со-бытийности» диссертант обращается к существующему описанию природы посттрадиционных общностей и на основании этих установок исследует современный облик субкультуры, реконструируя тем самым суть этого концепта.

Собирание общностей нового типа происходит сегодня в широком социальном контексте, они не привязаны к существующим институтам и характеризуются более высокой степенью индивидуализации, вместе с тем обладают и своими особенностями как некие совместности. Для субкультуры как для посттрадиционной общности характерен свободный характер внутренних связей с одновременным акцентом на совместной активности, а также на технических инновациях, определяющих во многом их особые черты. Они основываются на добровольном самообъединении, в основе которого лежит фокусировка на определенной теме и ориентация участников в одобренных всеми коммуникативных формах и поведении. Субкультуры характеризуются неоднородностью структуры и представляют собой *сети коммуникации*, состоящие из множества дискретных групп, распадающихся на разнообразные, текучие, где-то переплетенные друг с другом и, по различным критериям разделенные на сегменты. По сравнению с другими социальными формированиями (организация, учреждение и т. д.) они не проявляют устойчивой структурированности и характеризуются внутренней дифференциацией. Огромное значение имеют локальные коммуникации в микрообщностях, поскольку именно их разнонаправленное подсоединение в результате трансгрессии коммуникативных связей за собственные пределы позволяет субкультурам возникать во всей своей полноте. Образующие ее группы возникают не столько в результате коммуникации в местах географической близости, но на основе функционального производственного взаимодействия. Критерием же деления микрообщностей на слои выступает плотность, интенсивность коммуникации, степень погруженности в нее, совпадение коммуникативной направленности, включенность во взаимодействие и, следовательно, степень участия в непосредственном производстве и воспроизводстве общности через совместное формирование и реализацию социальных практик и техник и конструирования особых мест. Участники стабилизируют эти общности коммуникативно, модифицируют или трансформируют их.

Для субкультуры характерен стандартный перечень социальных практик: экономическая, политическая, духовная, образовательная, экологическая, семейная, художественная, религиозная, и производственная. Однако техники их реализации имеют особенность — *полипраксистный характер техник субкультуры*. Бриколаж – пересечение, миграция техник между различными видами общественных практик – обеспечивает своего

рода синтез, наложение; формируется иная, локальная топология пространства социальности.

Выделены и описаны такие техники, как одевание, техники физических трансформаций телесного, техники питания, сексуальные техники, креативные техники (ориентированные на работу с вещами), художественные техники, техники движения и работы с пространством. Здесь автор делает акцент на двух особенностях: опосредованный характер коммуникативных техник различными вещественными и техническими средствами, специфическая эксплуатация языковых форм. Несомненно, коммуникация как основа всякой субкультуры укоренена в телесности ее членов. Типичные виды деятельности представляют собой разнообразие взаимосвязанных и часто весьма сложных действий, а также последующее коммуникативное производство их значения. Использование альтернативного программного обеспечения, предметов телесного убранства, территориальной маркировки, комплекса практик перемещения, особого языка обеспечивает специфическую коммуникативную насыщенность субкультуры. Перечень техник очень широк, и практически каждая из них может коррелировать с другими и применяться при реализации нескольких различных практик. Смысловая трансфункциональность субкультурных техник обеспечивает самые неожиданные их комбинации, стирая строгие границы между различными типами практик, интегрируя их. Можно сказать, что мы имеем дело не только с бриколажем при возникновении самих техник, но и с бриколажем практик.

При этом человек как некоторая сингулярность, может перемещаться в коммуникативном пространстве, не только подпадая под институционализацию готовых пространств (о которых говорят работы П. Бурдьё или М. Фуко), но и конституируя свои места, обладающие оригинальными порядками, посредством объективации человеческого события в потоке производства и воспроизводства социальности. В процессе формирования альтернативных техник, которые, сложившись, по-иному начинают воспроизводить наличествующие социальные практики, придавая им новые смыслы, как раз и запускается процесс системообразования субкультуры. Так, наряду с традиционными «местами» происходит создание новых «мест» социальности. В серии элементарных коммуникативных событий закладывается матрица формирования иного способа совместности и, более того, новой системы, обеспечивающей совмещение телесностей и размещение их в специально конструирующиеся топосы, сохраняющей автономию своих уникальных способов воспроизводства и в то же время погруженной в механизмы воспроизводства культуры. Совместная активность субкультур ориентирована именно на работу и овладение пространством, маркировку, присвоение и трансформацию его физической и символической

значимости и функционала. Этот процесс, реализуется через создание и маркировку мест в ходе взаимодействия индивидов, т. е. именно через локальные трансформации повседневного бытия.

Интересен подвижный и прерывно делящийся характер субкультурного пространства. Именно в контексте события, происходит модернизация и конструирование топологем субкультуры: это пространство актуализации активности и непосредственного сотрудничества (в той или иной форме). Несомненен факт принципиальной «со-бытийности» субкультурных общностей. Они понимаются как коммуникативные и интерактивные формы общности посттрадиционного типа, обнаруживаемые неким отрезком времени в сменяющих друг друга динамичных местах со-бытия.

В параграфе II второй главы «Со-противление и со-глашение в пространстве субкультурной коммуникации» диссертант дает критический анализ традиционной модели, основанной на оппозиционности, как сущностной характеристике субкультуры и стремится пересмотреть этот теряющий сегодня фактические и методологические основания подход.

Констатация протестности как основания субкультуры с опорой на проявляемые «шоковые» техники и их якобы прямые контркультурные основания (будь то противопоставления культуре класса, родителей, граждан или всего общества потребления) является причиной сегодняшней несостоятельности концепта. Корнем этих представлений оказывается уже упомянутое различие между обществом и общностью, установленное Ф. Теннисом, введенное Чикагской школой в перспективу субкультурных исследований, где общность описывается всегда *в отличие от общества, в противопоставление ему*. Социально-топологический потенциал существующей традиции позволяет повернуться именно к изучению конкретных сущностных связей и отношений и продемонстрировать то, *как складывается и осуществляет себя субкультура, а не то, чем она не является и чем противоположна «тотальному» обществу*. Сущность субкультуры кроется в области специфики хронотопологической организации целенаправленной активности социального конструирования, обуславливающей уникальность, и, в тоже время, сегментирующих эти общности в многообразном теле современного общества.

Индивид, в своей активности становящийся частью коммуникации, оказывается источником его существования, размечает и задает ему особые формы, *владеет им*, обнаруживая возможность *разделённого*, но всё же *совместного* существования. Следовательно, при этом неизбежно упирается в границы Другого. В этом смысле обратной стороной совместности оказывается лимитированность, ограниченность «жизненного мира»

другими. В рамках совместности человек пребывает в постоянном дрейфе, а в самой подвижности разделяющей/ соединяющей границы заложен конфликт, который может развиваться самым непредсказуемым образом, поскольку просто ввиду собственной активной природы человеку приходится посягать на чужое с целью его присвоения. Со-бытийность всегда таит в себе опасность противостояния. Так, в зоне совмещения людей, представимых в качестве сингулярностей, обнаруживаются точки со-глашения, которые обнаруживают собой и точки разно-гласия. При всей невозможности полного совпадения во всех точках коммуникации человек всегда ориентирован на поиск такого идеального сцепления, в котором Другой абсолютно совпадет с Я. Однако повторяющееся разно-гласие побуждает человека искать в Других соответствующие точки совпадения, найти которые в существующем социальном контексте пока не удавалось. Сетевая коммуникация и транслокальное перемещение людей основывают вероятность со-бытия, в котором коммуникативное совмещение сделает возможным совпадение в тех точках, где до этого имело место отсутствие совпадений. Именно в результате такого со-бытия соглашение несогласных (каждого в своем предыдущем опыте) также имеет место. Мы говорим о со-творении новых мест, активном расположении в социальности посредством реализации соответствующих практик и техник, интендируемом общим направлением активности, обнаруженным в результате со-бытия. Возникающие места едва ли могут просто слиться или раствориться относительно существующих мест социального пространства. Новые люди могут подсоединиться и способствовать разрастанию коммуникативной сети в результате направленной активности ее участников.

Это не деструктивное, как принято считать, но конструктивное воздействие на социальность, поскольку активность субкультуры ориентирована на приращение, плюрализацию социального пространства. *Сама идея субкультуры, выражаясь топологически, заключается в овладении, локальном присвоении и перестроении некоторых областей социальности в серии событий через коллективное преломление социального тела в пучке взаимодействия с телами других.* Перформативность процессов обнаруживает субкультуры для других участников социума. Их маленькая экспансия катализирует чувство социальной тесноты у людей соприкасающихся, но не причастных, поскольку происходит очевидное посягание на узаконенные практикой границы, происходит беспорядочно, непредсказуемо, бессистемно. Субкультурная активность, направленная на овладение социальным пространством, таким образом, ощущается как покушение на упорядоченную жизнь каждого и в коллективных дефинициях закрепляется в качестве источника агрессии как нечто делинквентное, опасное, и даже экстремистское.

Однако следует отметить здесь, что она скорее имеют форму «партизанского» бриколажа, чем организованных боевых действий, то есть отнюдь не каждая субкультура осознает себя как протестная, но каждая ощущает и усиливает свою отдельность, отличность, избранность. Акторы способны конструировать или, по меньшей мере, выбирать способы совместности. Создаваемые ими места не являются противоположными каким либо другим, но они являются другими, различными, от того конструируемая в субкультуре топология тоже будет отличной.

Пресловутый субкультурный протест должен рассматриваться скорее как со-противление, как процесс, в котором члены этого сообщества совместно находят себя на другой стороне от кого-, чего-нибудь, то есть преодолевают некоторые границы с целью перемены позиции и создания чего-то своего в актуализации собственной активности с другими. Речь идет об ответственности за состояние окружающей действительности. Активность субкультур возникает на изломах социальных процессов, именно на тех участках, которые оказываются в области наиболее значимых общественных проблем, промаркированных (выделенных) также и обществом в целом. Со-противление не ограничивается фиксацией наличия иной позиции, но всегда выражает собирание или сотворение. Со-противление по сути оказывается той позиционно детерминирующей переменной, которая действительно может обуславливать различие субкультур в пространстве социальности и создает ситуацию вариативности, реализуя тем самым общественную процессуальность гетерогенного типа. Понимание со-противления возможно только через со-глашение и, наоборот, поскольку в конечном счете это взаимообуславливающие стороны одного процесса — порождения социальности.

При этом субкультуры сохраняют некоторую автономию относительно остального общественного пространства, они остаются сравнительно закрытыми, хотя границы их не непроницаемы, и, что здесь важно, они всегда представляют собой мировую сеть. Они – участники межкультурного взаимодействия, которое обнаруживается как результат самоорганизованной коммуникации в трех диаграмматических областях: во-первых, наиболее очевидны области пересечения официальных (традиционных) культур и субкультур; во-вторых, сообщение возникает между разными субкультурами; в-третьих, субкультуры благодаря своей внутренней сетевой организации нередко опосредуют собой межкультурные пересечения, создавая возможности для культурного взаимодействия в общемировом контексте. Возможен также и диаграмматический «перевертыш», когда межкультурное сообщение опосредуется официальной культурой. Триадные соединения третьего типа представляют сегодня наибольший интерес, поскольку демонстрируют

глобально-локальный характер субкультурных общностей. Механизм же межкультурной коммуникации представлен как обмен техниками и порядком их организации в социальных практиках, лежащими в основе конструирования мест и специфического способа организации совместности, иными словами, определяющими специфические топологии участников такой коммуникации.

Медийность субкультуры выражает мировую, всеобщую тенденцию всестороннего развития коммуникации и ориентирует к межкультурному взаимодействию; она констатирует реальность осуществления последнего, именно благодаря самоорганизации человеческой активности и признанию ценности культурного многообразия как, несомненно, стимулирующего развитие культуры. Субкультуры, будучи особым транскультурным способом организации совместности, обладают мощным коммуникативным потенциалом в границах социальности современного типа. Они не только олицетворяют актуальное состояние глобализирующегося мира, но и свидетельствуют о пользе межкультурной коммуникации. Подобное видение применительно к субкультурному процессу позволяет пересмотреть и преодолеть устоявшееся искусственное противопоставление его культурному и указывает на то, что они осуществляются скорее как разные стороны единого процесса, актуализируя друг друга через со-глашение и со-противление в сети коммуникативных со-бытий.

Вместе с тем субкультура таит в себе и многочисленные угрозы и отнюдь не всегда может быть признана как абсолютная ценность или сугубо позитивное явление, потому диссертант остается далек от абсолютизации ее «положительности», а лишь стремится подчеркнуть самобытность, особенность и констатировать факт своеобразности ее существования в контексте современного общества.

В заключении представлены основные выводы по результатам исследования, подтверждающие его практическую и теоретическую значимость, и отражающие новизну.

III. Список публикаций по теме исследования

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. Симонова И. А. От культурного многообразия к межкультурному диалогу: социальная топология субкультурных сообществ / Симонова И. А. // Образование и наука. Известия УРО РАО. Журнал теоретических и прикладных исследований. № 10 (78) 2010. С. 88 – 100 (0,9 п. л.).
2. Симонова И. А. Рекурсивный потенциал субкультурных сообществ: топология социального процесса / Симонова И. А. // Вестник Челябинского государственного

университета. Вып. 19. Серия Философия. Социология. Культурология. № 31 (212) 2010. С. 53 – 61 (0,82 п. л.).

3. Симонова И. А. Социально-топологическая методология как инновационный инструмент актуализации ключевых компетенций у молодежи / Симонова И. А. // Педагогическое образование в России. № 5. 2011. С.18 – 24 (0,5 п. л.).

Другие публикации:

1. Симонова И. А. Воспитательные возможности рок-культуры как альтернативы дисциплинарной педагогике / Симонова И. А. // Культурологический подход в образовании: материалы V Всероссийской научно-практической конференции/ Под ред. Р. М. Назипова. Екатеринбург: Изд. дом «Автограф», 2007. С. 66 – 69 (0,26 п. л.).
2. Симонова И. А. Социальная коммуникация и протестная субкультура / Симонова И. А. // Человек: философская рефлексия. Границы философских дискурсов: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Вып. 2/ Под ред. О. Л. Сытых. Барнаул: ООО «Полиграф-Сервис», 2008. С. 201 – 203 (0,21 п. л.).
3. Симонова И. А. Управление коммуникативными процессами в интересах успешного бизнеса / Симонова И. А. // Коммуникативные процессы в бизнесе и менеджменте. Организационная коммуникация – 2009: материалы II Международной конференции/ Под ред. М. В. Черникова. Воронеж: АОНО ВПО «ИММиФ», 2009. С. 130 – 132 (0,12 п. л.).
4. Симонова И. А. Социально-топологический анализ коммуникативного бытия субкультуры как метод исследования современных социальных проблем / Симонова И. А. // Современные исследования социальных проблем: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 2/ Под ред. Я. А. Максимова. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2009. С.171 – 173 (0,18 п. л.).
5. Симонова И. А. Топология молодёжного искусства: коммуникативная субкультура как индикатор кризисов современности / Симонова И. А. // Бренное и вечное: идеология и мифология социальных кризисов: материалы Всероссийской научной конференции/ Под ред. А. П. Донченко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. С. 250 – 252 (0,27 п. л.).
6. Симонова И. А. Топология субкультурного процесса: рекурсивный потенциал современной Российской культуры / Симонова И. А. // Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник материалов Всероссийской

- научно-теоретической конференции/ Под ред. В. А. Жилиной. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. С.191 – 196 (0,39 п. л.).
7. Симонова И. А. Возвращение человека в социальность: практический потенциал современной социальной топологии / Симонова И. А. // «Позиции философии в современном обществе»: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 45-летию философского факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького: в 2 т./ Под ред. А. В. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. Том 2. С. 236 – 240 (0,29 п. л.).
 8. Симонова И. А. Феномен субкультурных сообществ и социальная топология протестности / Симонова И. А. // Актуальные проблемы молодежной субкультуры: сборник статей/ Под ред. О. К. Поздняковой. М. : Изд-во Московского психолого-социального института, 2010. Том 4. С. 177 – 181 (0,22 п. л.).
 9. Симонова И. А. Проблемы и перспективы молодежи в организации: социально-топологический аспект / Симонова И. А. // Молодежь и управление в XXI веке: сборник тезисов III Всероссийской научно – практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов/ Под ред. И. В. Девятовской. Екатеринбург, 2010. С. 203 – 205 (0,16 п. л.).
 10. Симонова И. А. Реактуализация концепта "субкультура": социально-топологический подход к проблеме / Симонова И. А. // Актуальные проблемы молодежной субкультуры: сборник статей/ Под ред. О. К. Поздняковой. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2011. Том 5. С. 144 – 148 (0,29 п. л.).
 11. Симонова И. А. Статус персонала как концептуальная основа современного понимания организации: социально-топологический анализ Российских тенденций / Симонова И. А. // Современные тенденции управления организацией: европейская практика и возможности для России/ Под ред. В. Стриелковского. Прага: Издательство Карлова Университета, 2013. С. 65 – 74 (0,56 п. л.).